

Вера ГРИБНИКОВА

Тверь

Член Союза писателей России, член редакционного совета «Нового Енисейского литератора».

ИГРУШКИ ДЕТСТВА

Во дворе нашей блочной многоэтажки есть аккуратная детская песочница. Каждый год мы на субботнике подновляем её, красим весёленькой краской деревянную окантовку, по мере надобности завозим свежий песок. Некоторые мамы выносят в песочницу ненужные игрушки, и детвора с радостью играет ими, даже растаскивает по домам. Ведь неважно, что они старые по возрасту, важно, что у тебя таких нет, для тебя они новые.

Однажды в песочницу кто-то принёс целую гору мягких игрушек — зайчики, медвежата, белочки... кого тут только не было! Глядя на них, я сразу вспомнила своё детство. Далёкие шестидесятые...

Мы с бабушкой жили на окраине рабочего посёлка Селижарово Тверской области. Игрушки тогда были роскошью. Купить пластмассового гольщика и то было непросто. А уж меховых игрушек не было вовсе. Моей мечтой был плюшевый медведь, и обязательно большой. В магазин «Детский мир» мы с друзьями ходили как на экскурсию, поскольку «на карманные расходы» детям выделялись денежки крайне редко, разве что в день полочки расщедрятся родители, да и то не более гривенника перепадало ребятишкам на леденцы. Но ведь любоваться игрушками можно и бесплатно. Они располагались за прилавком на полках, потрогать их, подержать в руках можно было только с разрешения продавщицы.

Как-то раз я увидела среди других игрушек изумительного целлулоидного оленёнка белой масти в жёлтую крапинку, ушастого, глазастого, с задорно вздёрнутым хвостиком. Боже, как хотелось мне тут же завладеть им! Но мизерная пенсия бабушки Матрёны, которая растила меня одна, без чьей-либо помощи, не была рассчитана на игрушки. И я ходила каждый день любоваться на это тонконогое чудо и радовалась, что его долго не покупали. Мне казалось, что он тоже ждёт меня. Я называла его — Оленёк. Мысленно здоровалась с ним при встрече, а налюбовавшись, прощалась. Мне очень хотелось его поддержать, но из робости я ни разу не осмелилась обратиться к продавщице с такой просьбой. По дороге домой я продолжала общаться со своим любимцем и всё представляла, как играю с ним на лугу, среди цветов. Мой Оленёк стал бы ещё краше на зелёной травке!

Но всё-таки наступил тот день, когда Оленька купили. Увидев пустое место на полке с игрушками, я едва не расплакалась.

Торговые куклы, неуклюжие, толстоногие, с вытаращенными стеклянными глазами без ресниц, меня совсем не интересовали. Смастерить куклу было для нас делом обычным, совсем не трудным. Брели старый чулок: набивали ватой нос чулка, делая подобие шарика. Туго перевязывали его ниткой, затем отмеряли туловище и тоже набивали. Снова перевязывали ниткой, а излишки чулка отрезали. Из этих остатков выкраивали ручки, а ноги были необязательны, их отсутствие скроет потом подол платья. Рисовали лицо, пришивали волосы из пакли или пряжи. Многие куколки получались очень даже интересными. Принаряженные в цветистые одёжки, они успешно участвовали в наших играх.

Не раз я пыталась сшить зайчика или собачку, но ничегошеньки не получалось. Поэтому приходилось мечтать о покупных зверюшках. Но такие игрушки были очень редки и дороги. На очередной день рождения мне достался простенький, но крупный пупс, одетый в полосатую пижаму.

В кармашке пижамы лежала фабричная этикетка с надписью: «Витя № 3». Малыш был чрезвычайно милым, просто лучился обаянием и достойно украсил крышку нашей внушительной громоздкой радиолы «Рекорд-61». Но, несмотря на всю Витюшкину миловидность, я с радостью променяла бы его на любого мохнатого игрушечного зверька.

А вот у моей подружки Гали Андриановой был настоящий большой медведь, плюшевый, набитый опилками. Старый, но очень привлекательный. Вернее, он был не у Гали, а у Галиной бабушки Марфы. Сидел медведь на таком же старом тусклом трюмо и внимательно поглядывал чёрными пуговичными глазками на гостей. Бабушка Марфа была неповоротливой полноватой старушкой, строгой и молчаливой. К ней в дом мы с Галей заходили редко, но если это случалось, я сразу направлялась к медведику и гладила его по голове. Иногда удавалось подержать толстячка в руках, и это было маленькое счастье. Странно, но Галя никогда не играла с мишкой, не выносила его на улицу, и мне было его очень жаль. Вот бы я обиходила мишутку, нарядила бы!

Бабушка Марфа умерла сырой промозглой осенью. Дом стоял закрытым на замок. Проходя мимо, я всегда вспоминала о том, что в этой пустой холодной избе сидит одинокий плюшевый мишка, и жалела его ещё больше.

По весне я, как бы невзначай, поинтересовалась у Гали, будет ли она забирать медведика домой. Галя фыркнула: «Куда он мне, старьё такое?!» Я тут же стала выпрашивать себе несчастного косолапика. Галя была не против, но велела спросить разрешения у своей мамы Нины, да и ключ от дома, где томился осиротевший мишка, хранился у неё.

И вот разрешение получено. Ключ нам вручён на целых десять минут. Тётя Нина строго предупредила нас об этом и добавила: «А то умчитесь куда-нибудь с ключом да, чего доброго, потеряете». Мы подходим к пустынному, мрачному, с занавешенными окнами дому, где полгода назад умерла бабушка Марфа. В детстве смерть кажется особенно страшным событием. Галя не идёт дальше крыльца, только открывает замок. А я, почти зажмурившись, вихрем проношусь

через сени и кухню в горницу. Ухватив вожделенного топтыгина, с той же скоростью вырываюсь на солнце!..

Мишку не обрадовал солнечный свет. Он был так потрясён смертью своей хозяйки, что тоже не хотел жить, сидел, скрючившись, уткнувшись носом в свои пятки, и грустил. Много усилий мне пришлось приложить, чтоб заставить его поверить в собственную значимость. Яркий бант, жилетка и шапочка, а ещё — складка, прошитая бабушкой на шее у медведя, распрямили его, преобразили до неузнаваемости. Господи, у меня теперь есть свой большой медведь! Я носилась с ним как с писаной торбой и уважительно называла Михал Потапычем. Это была моя первая мягкая игрушка.

А в седьмом классе, помнится, мы собрали деньги на подарок учительнице к Восьмому марта и купили ей игрушечного тигрёнка. Полосатое великолепие было кареглазым, толстеньким и ласково-пушистым. Во все стороны торчали шикарные усы. Дарить его классному руководителю нам предстояло только утром, и я упростила ребят доверить полосатое чудо мне. Весь вечер не выпускала его из рук! Даже спать уложила рядом с собой, как маленькая. К тому времени Михал Потапыч уже покинул меня: он совсем одряхлел, опилки сыпались изо всех швов, плюш вытерся, потухли глазки, опять сгорбилась спинка. Новые складки не помогали — истончившийся материал расползался под иголкой. Пришлось отпустить медвежуню к своей первой хозяйке — бабушке Марфе.

Так что, заполучив напрокат новёхонькую меховую драгоценность, я впала в детство на весь вечер и ночь! Ох, как не хотелось, чтобы наступало утро! Я успела окрестить тигрюшу Мурзоном, но сохранила это имя в тайне.

Наша учительница — Татьяна Валентиновна Иванова — была совсем молодой, если не сказать юной. Она только что окончила музыкальное училище, пришла работать в школу и угодила к нам в классные дамы. Семьёй наша Танечка не была обременена, поэтому много времени проводила с нами после уроков и частенько отважно приглашала весь класс в гости в свой небольшой уютный домик.

Приходя к ней, мы рассаживались кто где мог — на диване, кровати, стульях, табуретах, а кому не хватало сидячих мест, устраивались прямо на домотканых половичках. Шутка ли — разместить более двадцати человек в небольшой горнице? Я старалась раздеться самой первой, но не для того, чтобы занять место, нет, — мне не терпелось поскорей ухватить «своего» Мурзошу и тетёшкать, тетёшкать, пока позволяла грань приличия. Потом его неизменно забирали мои одноклассницы, да и ребята тоже не отказывались поддержать в руках забавную зверюшку.

На горизонте маячило моё пятнадцатилетие. Дни рождения в нашем классе очень часто отмечались всей горластой оравой: летом на природе, зимой по штаб-квартирам, то есть там, где родители благосклонно принимали такие шумные компании. Наш с бабушкой дом был как раз из того числа, и я, окрылённая Мурзоном, с трепетом ожидала подарка от своих одноклассек.

Какое же горькое разочарование накрыло меня, когда они вручили мне стеклянную вазу, покрашенную под ствол берёзы, да ещё почему-то розовый. С детства не люблю получать на праздники стекло — всякие там чашки с блюдцами, вазочки и так далее.

Виду я, конечно, не подала, но весь шумный праздник с гитарой и песнями старалась не смотреть в сторону серванта, где примостился злополучный стеклянный «пень».

Надо сказать, что свою коротенькую жизнь розово-берёзовая ваза закончила буквально через две недели, грохнувшись на пол во время генеральной уборки, когда я, напевая, боролась с пылью на всех полочках и полированных поверхностях. Сей печальный факт не особо огорчил, осколки я собирала, всё так же напевая любимую мелодию «Манчестер и Ливерпуль».

На следующий год отменить деньрожденский капустник было просто невозможно — я получала паспорт! Ну что ж... Картошка сварена, винегрет нарублен, чайник бурлит... мучает лишь одна мысль: не притаранил бы мой восьмой «А» что-то из серии «розово-берёзовое». Ах, Божечка-Божечка,

пусть им на глаза попадётся хоть самая завалищенькая игрушка или хотя бы газовый шарфик.

Раскрасневшаяся от мороза ватага вваливается в нашу маленькую кухню. Я встречаю гостей на пороге. Впереди всех выступает Сашка Пудов, а в руках у него... большой меховой слонёнок! Я не поверила собственным глазам! Зажмурилась! Открыв глаза, снова узрела огромные серые уши, которые прыгали и развевались флагами — это Сашка мотал слонёнка из стороны в сторону перед моим лицом. Я всплеснула руками, протянула их к игрушке, но вредный Пудик не отдал мне её, отступил назад, с широкой улыбкой оглянулся на ребят и сказал: «Мы все поздравляем тебя с днём рождения, и слоник тоже!» После чего он изобразил, будто слонёнок кланяется мне, и раздалось утробное: «Ухр-хр-хр-р-р». Слонёнок был говорящим! Я запрыгала от избытка радужных чувств и наконец выхватила подарок из Сашкиных рук.

Веселей меня в этот вечер не было никого! Новый житель нашего домика был удостоен имени Слонюша.

А домик наш давно уже требовал ремонта: крыша протекала, сквозняки гуляли по полу вместе с мышами, тепло от протопленной лежанки улетучивалось за считанные часы. Зимой под утро изба выстывала так, что вода в ведре и в умывальнике покрывалась толстой коркой льда. Тогда Слонюша успешно освоил профессию обогревателя. Пока печка была горячая, слонёнок сидел возле неё на табурете — впитывал тепло. Закончив вечерние дела, я раздевалась, хватала Слонюшу в охапку и ныряла под одеяло. Мохнатая нянька успевала пару раз утробно хрюкнуть, пока я поудобнее устраивалась в постели. С ним было так уютно засыпать, да и просыпаться тоже.

Окончив школу, я уехала учиться в Торжок. Слонюша остался приглядывать за бабушкой. Мы встречались теперь нечасто, на тридцать рублей стипендии особо не поездишь, когда билет в один конец стоит три рубля десять копеек. Приезжала я всего раз в месяц да на каникулы и в каждый приезд с невыразимой печалью замечала,

что всё больше стареет и слабеет моя дорогая Матрёна Николаевна.

Поскучнел и Слонюша. Теперь он горбился, как, бывало, Михал Потапыч, прятался под выгоревшими ушами, лиял...

Не хочется вспоминать тот день, когда мы со Слонюшей осиротели. После похорон бабушки, самого близкого и родного человека, я долго болела, а когда наконец поправилась, то одна мысль о пустом доме отбивала всякое желание идти на вокзал.

Нашим домиком распорядилась моя мама, вернувшаяся из дальних странствий. Когда я вновь приехала на родину, в нём уже поселились чужие люди. Я утешала себя надеждой, что мой Слонюша не выброшен на помойку, а верой и правдой служит новым хозяевам, их деткам или внукам.

Теперь я сама бабушка, и за всю прошедшую семейную жизнь в нашей городской квартире перебивало великое множество самых разнообразных игрушек: меховых и пластмассовых зверюшек, всевозможных кукол, самой различной техники — от машинок до удивительных роботов-трансформеров — и много-много чего ещё. Но я заметила, что современные детки не особо дорожат своими игрушками, они им быстро надоедают. А я до сих пор не могу забыть самые лучшие в мире игрушки моего детства: недоступного прекрасного Оленька́, грустного старого Михал Потапыча, красавчика Мурзона, доставшегося мне всего на одну ночь, и, конечно же, заботливого Слонюшу, согревавшего меня в зимние холода.

На трёхлетие внучки Настасьи сваты притащили огромного лежачего тигра, ростом выше меня (если поставить его на задние лапы) и в два раза толще объёмом. Как вы думаете, кто обрадовался этой громадине больше всех? Внучка? Нет, не угадали! А зовём мы его... как?.. Правильно, Мурзоном. Вернее — Мурзонищем.